

Елисеева С.В.
Сургут, Россия

**АРХИТЕКТУРА КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК
ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В РОССИЙСКИХ
И АМЕРИКАНСКИХ СМИ:
«ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ»
И «THE EIFFEL TOWER»**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. На основе материала из российской и американской прессы рассматриваются особенности ментальной области «Архитектура» как сферы-источника прецедентности. Сравнительный анализ смысловых компонентов, составляющих идеализованную когнитивную модель прецедентного феномена, позволяет определить характеристики его функционирования в различных лингвокультурах. Модели «Эйфелева башня» и «The Eiffel Tower» обладают схожей структурой и содержанием, но отличаются по частотности актуализации смысловых компонентов.

Ключевые слова: прецедентный феномен, сфера-источник, архитектура, когнитивная модель.

Сведения об авторе: Елисеева Светлана Викторовна, преподаватель кафедры английского языка и лингводидактики, аспирант.

Место работы: Сургутский государственный университет

Контактная информация: 626400 Тюменская обл., г. Сургут, ул. Дзержинского, д. 6, кв. 89.

E-mail: lana-eliseev@rambler.ru

Eliseeva S.V.
Surgut, Russia

**ARCHITECTURE AS THE SOURCE DOMAIN
OF THE PRECEDENT PHENOMENA
IN RUSSIAN AND AMERICAN MEDIA:
«ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ»
AND «THE EIFFEL TOWER»**

ГЧТИ 16.21.27, 16.21.51
Код БАН 10.02.19

Abstract. The characteristics of the mental sphere «Architecture» as the source domain of precedent phenomena are investigated on the basis of the material taken from the Russian and American press. The comparative analysis of the sense components that constitute the idealized cognitive model of the precedent phenomena helps to define peculiarities of their functioning in different lingo cultures. The models «Эйфелева башня» and «The Eiffel Tower» have similar structure and content but differ in sense component actualization frequency rate.

Key words: precedent phenomenon, source domain, architecture, cognitive model.

About the author: Eliseeva Svetlana Viktorovna, Teacher of the Chair of the English Language and Lingodidactic, Post-graduate student

Place of employment: Surgut State University.

Одной из наиболее характерных тенденций современного стиля общения является размытость границ между разными коммуникативными сферами. «Своеобразными скрепами служат проникающие повсюду «фразы дня», различные выверты, намеки, скрытые и прямые, перифразируемые и цитируемые ссылки в текущем потоке информации, требующие постоянного пополнения «фоновое знание» [Костомаров 1999: 44]. Авторы монографии «Феномен прецедентности и преемственность культур» полагают, что «Культура не может существовать иначе, нежели воспроизводя найденные ранее различные образцы» [Феномен прецедентности... 2004: 300]. Такими регулярно воспроизводимыми образцами обработки сведений о мире и являются прецедентные феномены, которые мы рассматриваем как феномены: 1) известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего лингвокультурного сообщества [Нахимов 2007: 177].

Прецедентный феномен – «комплексный прототип, образец когнитивной обработки некоторого фрагмента действительности <...> во всей его сложности и противоречивости связей с иными фрагментами» [Феномен прецедентности... 2004: 135] в большинстве случаев имеет вербальное выражение. С одной стороны, этот

специфический языковой знак может сохраняться в дискурсе того или иного лингвокультурного сообщества в течение длительного времени, но с другой стороны, его внутреннее смысловое содержание может претерпевать различные трансформации, отражающие непрерывные социально-культурные изменения.

Подобная чувствительность к происходящим в обществе переменам характерна в целом для дискурса СМИ. «Средства массовой информации моментально фиксируют стремительно меняющуюся картину окружающего мира подобно гигантскому зеркалу, которое отражает все вокруг, и отражение это меняется в зависимости от освещения» [Добровольская 2005: 17]. То есть, СМИ не только фиксируют изменения, происходящие вокруг, но и интерпретируют их на основе набора определенных культурных ценностей и установок. Все это обуславливает важность изучения использования в текстах СМИ прецедентных феноменов. Подобные исследования позволяют в перспективе получить «важные сведения о доминирующих ценностных ориентациях носителей культуры, их ментальности и так называемом национальном характере» [Феномен прецедентности... 2004: 302].

Так как прецедентные феномены, или прецедентные культурные знаки, являются образцами когнитивной обработки получаемых сведений о мире, они представляют живой интерес для когнитивной лингвистики, или когнитологии,

которая рассматривается как «зонтиковый» термин для объединения научных дисциплин, ставящих перед собой цель объяснить один из самых важных феноменов природы: человеческое сознание [Кубрякова 1996: 58].

Прецедентный знак моделируется и структурируется путем переноса знаний из сферы-источника в сферу-магнит. В процессе переработки знаний через когнитивные механизмы сферы-магнита факты культуры сферы-источника кроме национальной маркированности и культурной значимости транслируют в новое ментальное пространство различные оценочные характеристики, элементы эмоциональной окрашенности и другие значимые компоненты смысла. Современные исследования в области прецедентных феноменов часто посвящены изучению ментальных сфер их происхождения и притяжения [Бирюкова 2005: 55-63; Курбакова 2006: 65-67; Нахимова 2007: 89-90; Боярских 1998: 107-109 и др.].

Архитектура является одним из наиболее ярких проявлений человеческой культуры, воплощением творческой, профессиональной, эстетической и практической деятельности человека. Внешней стихийности природы человек противопоставил согласованность и меру, структурность и упорядоченность, воплотившиеся в дереве, камне, или другом используемом человеком материале, под воздействием разума приобретшими практическую и эстетическую ценность. Именно с этих двух позиций архитектуру можно рассматривать как (1) формирование действительности при создании зданий и сооружений, призванных обслуживать потребности человека в жилье и общественных помещениях; (2) искусство [Бореев 2003: 47]. Служа удовлетворению одной из базовых потребностей человека в безопасности и защите [Эко 1998: 487-488], архитектурные сооружения всегда значимы для человека и занимают прочное место в системе его онтологических, экзистенциальных представлений. «Как вид искусства, архитектура входит в сферу духовной культуры, эстетически формирует окружение человека, выражает общественные идеи в художественных образах» [БЭС 1998: 74]. Являясь частью такого сложного и многогранного явления, как культура, архитектура имеет коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу [Маслова 2004: 24].

В нашей работе в качестве образца анализа содержания и структуры ментальной организации прецедентных феноменов, восходящих к сфере-источнику «Архитектура», остановимся на описании одного конкретного случая, а именно прецедентного феномена «Эйфелева башня», генетически относимого к французской культуре, но играющего заметную роль в национальном языковом сознании российского и американского лингвокультурных сообществ. Материалом для анализа послужили тексты

газетных статей, содержащие прецедентный феномен «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» из российской (140) и американской (160) прессы. В результате проведенного анализа по выявлению смысловых компонентов была установлена значительная схожесть количества (по 24 для каждой модели) и содержания смысловых компонентов между прецедентными феноменами «Эйфелева башня» в российском газетном дискурсе и «The Eiffel Tower» в американском. Смысловые компоненты – это единицы смыслового содержания прецедентного феномена в контексте, различные комбинации которых образуют общий смысл каждого отдельного случая употребления прецедентного феномена, и общая сумма которых составляет его идеализованную когнитивную модель [Taylor 1995: 68]. На основе такой модели осуществляется функциональная категоризация рассматриваемого прецедентного феномена.

Самыми частотными в отношении актуализации проявили себя смысловые компоненты **«Эйфелева башня – сооружение / конструкция // сложная / многоэтажная // из металла»** (рус. 84,17%; амер. 67,50%) и СК **«Эйфелева башня находится в Париже / во Франции / в Западной Европе»** («.../ Европе» – в формулировке для американской модели) (рус. 72,14%; амер. 46,25%). Последний из них отражает национально-культурную принадлежность прецедентного феномена. Значительное преобладание признаков актуализации этого смыслового компонента в текстах российской прессы по сравнению с американскими показывает, что для российского читателя Эйфелева башня ассоциируется с той национальной культурой, к которой относится, американцы же часто рассматривают этот прецедентный феномен как артефакт, некий известный объект Ср.: *«Беда в том, что Парижа здесь нет. Даже там, где мелькает то Эйфелева башня, то Дом инвалидов, то Монмартр, – все это есть, а Парижа нет»* (НГ, 7.01.2006). Ср.: *«"There is a competition pretty much for anyone who likes anything," Mark said, noting that the fair has events centered on literature's Harry Potter, Eiffel Tower-in-miniature construction and building dinosaurs»* (Dallas Morning News, 24.11.2007).

Смысловой компонент **«Эйфелева башня – известная // всем / во всем мире»** является частотным для обеих моделей (рус. 49,28%; амер. 34,37%) и тесно связан с такими компонентами как **«Эйфелева башня – достопримечательность // Парижа // главная»** (рус. 23,57%; амер. 38,12%) и **«Эйфелева башня – монумент / памятник // конца XIX века»** (рус. 19,28%; амер. 13,12%). Последний из них отражает хронологическую отнесенность прецедентного феномена «Эйфелева башня / The Eiffel Tower». Ср.: *«Энтузиастам криптографии давно известно, что в великой пирамиде Хеопса зашифрованы все мировые константы*

и открытые и неоткрытые законы природы. <...> В день весеннего солнцестояния тень от пирамиды в точности равна высоте Эйфелевой башни минус высота Триумфальной арки» (Известия, 6.09.2006). Ср.: «The most impressive, and controversial, element – touted in promotional literature as Long Island's answer to the Eiffel Tower and London Bridge – would be the lighthouse tower, 600 feet of luxury condos and a hotel, topped by a giant spotlight and observation deck // The planners hope this beacon, visible from the East End to New York City, becomes a sort of Long Island trademark» (New York Daily News, 10.07.2005).

Большое значение для восприятия ПФ «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» имеет тот факт, что Эйфелева башня – реально существующий архитектурный объект, обладающий определенной формой и структурой, поэтому важную роль в формировании ментального представления об этом прецедентном культурном знаке играет визуальный образ. В связи с этим идеализованная когнитивная модель «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» содержит смысловой компонент, указывающий на форму башни, имеющий ментальную структуру «образ-схема» (далее: «схема») [Lakoff 1987: 113-114; Маслова 2004: 46]: **«(форма Эйфелевой башни)»** (рус. 15,71%; амер. 17,50%). В большинстве случаев форма не описывается, но в контексте используются такие маркеры, как «стилизованная копия», «на фоне», «в тени», «в виде», «очертания», «чем-то схожая по форме с», «that modeled for», «a model of/replica», «miniature», «like an exclamation point», «in the skinny shadow of», и т.д. Ср.: «На избирательном участке Алма-Аты рослая черноглазая наблюдательница, чем-то схожая по форме с Эйфелевой башней, старательно крутит головой, пытаясь уследить за всем происходящим в кабинках избирателей. Она – представитель коммунистов» (Известия, 24.09.2004). Ср.: «The Bellagio fountains are a great place to meet. But the water shows, about five to 10 minutes each, sure seem short. Perhaps we were feeling the vaguely strawberry stuff we were drinking from plastic, Eiffel Tower-shaped containers» (Dallas Morning News, 17.09.2007).

Непосредственно связанный с предыдущим, смысловой компонент **«Эйфелева башня – высокая / большая»** является одним из самых частотных (рус. 32,14%; амер. 44,37%). При его актуализации большую роль играет схема, включенная в структуру концепта «башня». Это – еще один значимый фактор, влияющий на функционирование прецедентного феномена «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» в дискурсе. Как писал У.Эко «возможности, предоставляемые архитектурой (...) суть не только функции, но и прежде всего соответствующие значения, располагающие к определенному поведению» [Эко 1998: 207]. Можно предположить, что во всех культурах башня представля-

ет собой вертикальный объект, предполагая, таким образом, возможность подъема / спуска, возможность посмотреть на окружающее пространство с высоты, наличие верха и низа, перемещения вектора наблюдения: со среды на объект и с объекта на среду и т.д. Все эти свойства обуславливают наличие определенных смысловых компонентов, а универсальность модели обуславливает высокую степень их совпадений в составе российской и американской моделей. Среди маркеров актуализации смыслового компонента **«Эйфелева башня – высокая / большая»** можно увидеть: «хорошо видел из космоса», «взобраться на», «водрузили на», «каланча», «самый высокий уровень», «выше облаков», «went to the top of», «to fly a plane into», «so big», «the-tallest building», «climb on», «rises», «jump off» и т.д. Ср.: «Предупреждаю, похожую ошибку можно совершить с Эйфелевой башней. На нее можно смотреть, около нее можно гулять, но ни в коем случае не поднимайтесь на нее» (Газета, 18.07.2005). Ср.: «Forget TomKat, Scientology and Eiffel Tower proposals. War of the Worlds rises above such baggage as a towering accomplishment — the most thrilling and action-packed Spielberg film in the director's broad legacy» (Houston Chronicle, 16.09.2005).

Характеристики векторной направленности отражены в смысловых компонентах **«Эйфелева башня находится в центре города // Парижа»** (рус. 7,86%; амер. 6,25%); **«Эйфелева башня видна отовсюду // в Париже»** (рус. 2,14%; амер. 5,62%); **«С Эйфелевой башни открывается красивый вид»** (рус. 0,71%; амер. 3,12%). При любом ментальном построении ситуации, некоторые из них оказываются как бы выдвинуты вперед, в то время, как другие служат «точкой отсчета», фоном [Taylor 1995: 5]. Если употребить термины «фигура/фон», то в рассматриваемых СК фоном является «Париж», а «Эйфелева башня» – фигурой. Таким образом, для компонентов **«Эйфелева башня находится в центре города // Парижа»** и **«Эйфелева башня видна отовсюду // в Париже»** векторы направлены от фона к фигуре. Отличие состоит в том, что для первого из них направление идет от края периферии к фигуре с единым центральным местоположением, реализуя схему «Контейнер» [Lakoff 1987: 272-273], а для второго – от любой точки периферии к любому положению фигуры. Для третьего смыслового компонента векторы направлены от фигуры в центре к любой точке периферии. Второй и третий компоненты развиваются по схеме «Центр – Периферия» [Lakoff 1987: 274-275]. Ср.: «Второй раз за историю форума на него приехали педагоги из России – лучшие учителя, победители конкурса в рамках нацпроекта "Образование". Вместе с коллегами из Финляндии, Литвы, Дании и других стран в штаб-квартире ЮНЕСКО, что буквально в двух шагах от Эйфелевой башни, они в тече-

ние двух дней презентовали свои проекты, обменивались опытом, учились друг у друга» (РГ, 10.04.2007). В данном примере схема «Контейнер», реализация которой осуществляется через актуализированный смысловой компонент **«Эйфелева башня находится в центре города // Парижа»**, передает идею избранности группы победителей национальных педагогических конкурсов и атмосферу полной погруженности учителей в новую для них среду – Форум педагогов-новаторов в Париже. В следующем примере схема «Центр-Периферия», лежащий в основе функционирования компонента **«Эйфелева башня видна отовсюду // в Париже»**, позволяет передать иронию в отношении банальных представлений о Париже голливудских кинопроизводителей. Ср.: *«В Париже, ведь какой ракурс ни изобрази, получится штамп. Фотографировать его, знаю как любитель, почти бессмысленно: кафе, бульвары, Елисейские Поля, Гранд-опера – все было, было, было. Не говоря уже про Эйфелеву башню, которая, если верить Голливуду, видна в Париже из каждого окна»* (Известия, 30.11.2006). Ср. также: *«Come shopping for a picnic with me on my favorite street in Paris. The Rue Cler, lined with shops that spill out into the street, feels like village Paris – In the skinny shadow of the Eiffel Tower»* (Houston Chronicle, 6.01.2007). В приведенном примере схема «Центр-Периферия», перенесенная в контекст статьи через смысловой компонент **«Эйфелева башня видна отовсюду // в Париже»** подчеркивает удаленность описываемой местности от центра – несмотря на присутствие тени от башни, тень эта «худенькая».

Особый интерес представляют компоненты смысла, отражающие функционирование прецедентного феномена «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» как символа: **«Эйфелева башня – символ города // Парижа»** (рус. 15,71%; амер. 10,62%); **«Эйфелева башня – символ страны // Франции»** (рус. 6,43%; амер. 1,25%); **«Эйфелева башня – символ / достижение технического прогресса»** (рус. 4,28%; амер. 7,50%). Результаты анализа показывают, что рассматриваемый прецедентный культурный знак достаточно часто представлен в качестве символа как в российской, так и в американской лингвокультуре. Однако для первой представление об Эйфелевой башне как о символе страны характерно в гораздо большей степени, чем для второй. В свою очередь, в американских источниках понимание данного прецедентного феномена как символа технического прогресса проявляется чаще, чем в российских.

Немаловажное значение для актуализации приведенных смысловых компонентов играет символическая составляющая концепта «башня». Это символ связи между небом и землей, «лестница на небо», при этом башня – творение рук человеческих, достижение челове-

ского разума: «И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести» [Библия 1998: 10]. Башня не посвящена богу, она – символ человеческой силы, дерзновения [Энциклопедия символов... 2000: 72]. Башня – ориентир, вокруг которого собираются народы: «И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли» [Библия 1998: 10]. Башня – символ высокого общественного статуса, чистоты и неприступности [Тресиддер 1999: 22]. Символические значения концепта «башня», безусловно, находят свое отражение в смысловых компонентах, составляющих идеализованную когнитивную модель прецедентного феномена «Эйфелева башня / The Eiffel Tower». Ср.: *«Хочу пожелать вашим читательницам, чтобы они не боялись экспериментировать. Как говорят французы, женщина без шляпки, что Эйфелева башня без наконечника. Женщина, надевшая шляпку, это уже дама: она меняется не только внешне, но и внутренне»* (РГ, 20.05.2005). Прокомментируем данный пример: Шляпка – символ женственности и элегантности, так же как Эйфелева башня – символ Франции. Как символ Франции не будет полным без наконечника, так и женщина – не будет женственной без шляпки. Ср.: *«Сняв фильм "И Бог создал женщину", Роже Вадим сделал из нее звезду: она, генерал де Голль и Эйфелева башня олицетворяли в конце 50-х годов Францию. Актриса Брижит Бардо стала социальным феноменом, воплощением свободных женщин»* (РГ-Неделя, 24.09.2004). В следующем примере, взятом из американской литературы, строительство башни призвано выражать государственную мощь и возрождение. Ср.: *«The time was right to create an international symbol of the Basque resurgence. The leaders of Viscaya, Bilbao's province, decided to recast their city with a stylish centerpiece. As Salazar put it, "We wanted our own Eiffel Tower"»* (Minneapolis Star Tribune, 1.10.2005). В приводимом далее примере актуализируется компонент **«Эйфелева башня – символ / достижение технического прогресса»**. Ср.: *«Structurally, the wheels rising up today still bear much in common with the original, designed by the civil engineer George W. Ferris for the 1893 Chicago World's Fair. It was presented as America's answer to the Eiffel Tower»* (San Diego Union-Tribune, 30.07.2007).

В некоторых случаях актуализация компонента **«Эйфелева башня – символ города // Парижа»** происходит через замену в тексте статьи лексемы «Париж» на лексику «Эйфелева башня». Ср.: *«Ты отвечаешь головой, а не какой-то человек, который сидит под Эйфелевой башней, имеет огромные связи, и опыт и может в две секунды решить то, на что у тебя уходит более значительное время»* (НГ,

9.11.2007). Приведем еще один интересный пример подобной замены в устойчивом выражении «пролететь как фанера над Парижем». Ср.: «Теперь вот – про нефть. Кто ж поверит, что это плохо, когда нефтьедолларов – пруд пруди? Правда, все они где-то там, в стороне, пролетают над головами, подобно фанере над Эйфелевой башней, но у масс есть твердая старая надежда – поделить» (НГ, 23.06.2006). В следующем примере, взятом из американской прессы «Эйфелева башня» замещает «Францию» при актуализации смыслового компонента «**Эйфелева башня – символ страны // Франции**». В приводимой статье речь идет о недовольстве французов после признания калифорнийского вина лучшим в мире. Ср.: «Among the whites, things went even worse for the French. California Chardonnays took four of the top five slots. Some witnesses swear they saw the Eiffel Tower teeter slightly when word of the verdict spread» (Colorado Springs Gazette, 27.05.2007).

Положительная эстетическая оценка содержится в достаточно частотном для обеих моделей компоненте «**Эйфелева башня – красивая / грандиозная**» (рус. 9,10%, амер. 14,37%); аналогичная оценка содержится в смысловом компоненте «**Эйфелева башня ярко / красиво освещается // ночью**» (рус. 8,57%; амер. 6,25%). Ср.: «Особенно колоритно на деревенском фоне смотрится новое "творение Эйфеля" ночью: внизу, как во Франции, – голубая подсветка, а макушку освещают желтые лучи. Но, помимо очевидной эстетики, селян привлекает и практическая польза» (РГ-Неделя, 25.03.2005). Ср.: «But to experience what is Goth about this Gothic cathedral, you must buy a ticket and climb to the top of the north bell tower. (For my money, the panorama from here beats the Eiffel Tower, because you get an intimate, bird's-eye view. You feel as if you are soaring above the oldest part of the city like Peter Pan)» (San Francisco Chronicle, 31.10.2004).

Как российская, так и американская идеализованные когнитивные модели содержат смысловые компоненты с негативной оценкой: «**Эйфелева башня – некрасивая / странная**» (рус. 1,43%; амер. 1,25%) и «**Эйфелева башня – (туристический) штамп / банальность**» (рус. 6,43%; амер. 3,12%). Низкая частотность первого, однозначно негативного компонента, и незначительная частотность второго, содержащего более мягкую отрицательную коннотацию, свидетельствует о преобладании позитивной оценки к ПФ «Эйфелева башня / The Eiffel Tower» в обеих рассматриваемых лингвокультурах. Ср.: «Чернуха была полная, беспросветная, смех был не столько сквозь слезы, сколько сквозь лужи. <...> Теперь – мальчики и девочки. Солидные господа и почтенные дамы. Клубы-рестораны-эйфелевы башни» (НГ-Ex libris, 1.04.2004). Ср.: «"There was also ... a more personal reason. I wanted to create a yearbook for

myself. For some reason, whenever I traveled, I always came back with pictures of food." So rather than a picture of the Eiffel Tower, Shaw took a photo of the tarte tatin he ate near there» (San Diego Union-Tribune, 15.07.2005). В данных отрывках актуализируется второй из приведенных выше смысловых компонентов. В следующем примере помимо «**Эйфелева башня – некрасивая / странная**» актуализируется смысловой компонент сценарного типа «**Эйфелеву башню сначала (в конце XIX – начале XX века) посчитали некрасивой // позже к башне привыкли / признали шедевром**» (рус. 3,57%; амер. 0,62%). Ср.: «Когда-то писатели великие, среди них был Мопассан, грозили, что они покинут Францию, если построят эту гадость. А потом ходили туда обедать, чтобы ее не видеть. Ну и что? Стоит Эйфелева башня, она кому-нибудь мешает? Это вы все придумали, говорю я журналистам, писать серьезно о проблемах в городе вы не хотите, а тут вы вроде при деле. Пускай торчит. Кому мешает?» (РГ, 6.04.2007). В примере из американского источника сценарный смысловой компонент также актуализируется, но негативной оценки при этом не содержит. Ср.: «The story of a despised building becoming a city's icon isn't new – even the Eiffel Tower was once declared an eyesore» (San Francisco Chronicle, 30.09.2007).

Элемент оценки содержат также компоненты «**Эйфелева башня – шедевр архитектуры**» (рус. 12,86%; амер. 9,37%) и «**Эйфелева башня – культурное достижение человеческой цивилизации**» (рус. 13,57%; амер. 10,62%). Достаточно высокая частотность их актуализации в российских и американских публикациях обусловлена широко обсуждаемой мировой общественностью темой выбора новых семи чудес света, среди которых значились как рассматриваемая нами Эйфелева башня, так и известные архитектурные сооружения США (Статуя Свободы) и России (Кремль и Собор Василия Блаженного).

Интересным в плане частотности актуализации представляется смысловой компонент «**Эйфелева башня – романтическое место**» (рус. 2,86%; амер. 13,12%). Разница в показателях частотности объясняется актуальностью некоторых тем газетных публикаций для определенного отрезка времени. Причиной преобладания приведенного компонента в американской прессе является популярность среди американских «потребителей информации» темы отношений между известным голливудским актером Томом Крузом и молодой актрисой Кейти Холмс. Факт публичного предложения руки и сердца на Эйфелевой башне активно обсуждался в прессе США, что и привело к повышению частотности актуализации компонента «**Эйфелева башня – романтическое место**». Ср.: «Tinseltown has been tittering about Cruise's quickie engagement to Holmes since he popped

the question at the Eiffel Tower in June after just two months of dating» (New York Daily News, 1.08.2005). В подобных примерах наряду с приведенным зачастую актуализируется и другие смысловые компоненты, как, например, «**Эйфелева башня – известная...**» и/или «**Эйфелева башня – высокая**», чем авторы статей подчеркивают, что Том Круз выставляет свои чувства напоказ. Однако компонент «**Эйфелева башня – романтическое место**» актуализируется и в статьях другой тематики, что указывает на достаточную его закреплённость в идеализированной когнитивной модели «The Eiffel Tower».

Кроме описанных ранее, можно привести следующие смысловые компоненты, которые показали низкий уровень частотности актуализации: «**На Эйфелевой башне расположены кафе и рестораны**» (рус. 1,43%; амер. 3,12%); «**Эйфелева башня – национальное достояние Франции**» (рус. 0,71%).

Поведенный анализ в целом показал, что идеализированные когнитивные модели прецедентных феноменов «Эйфелева башня» и «The Eiffel Tower», представленные в американской и российской лингвокультурах обнаруживают высокую степень сходства по количеству и содержанию смысловых компонентов. Различия наблюдаются в основном в показателях частотности актуализации тех или иных смысловых компонентов, что также является значимым для понимания характера и особенностей функционирования прецедентных феноменов в различных лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003.

Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004-2007 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Тагил, 2008.

Библия – М.: Российское библейское общество, 1998.

Бирюкова Н.С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Добровольская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб: «Златоуст», 1999.

Кубрякова Е.С., Демьяненко В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.

Курбакова Ю.В. Национально-прецедентные феномены и единицы с метафорическим значением (на материале современных американских журналов): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие – Мн.: ТетраСистемс, 2004.

Нахимов Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография – Екатеринбург, 2007.

Тресиддер Дж. Словарь символов. Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.

Феномен прецедентности и преемственность культур [под общ. ред.: Л.И. Гришасовой, М.К. Поповой, В.Т. Титова]. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб: Питер Ком, 1999.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – ТОО ТК «Петрополис», 1998.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. – М.: Локид; Миф. – 2000.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Taylor J.R. On construing the world // Language and the cognitive construal of the world. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995.

© Елисеева С.В., 2010